

# ПРОЗРАЧНОСТЬ В РОССИЙСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ: ДОВЕРИЕ ИЛИ «ОБЩЕСТВО СПЕКТАКЛЯ»?

О.Н. Волкова

**В статье сделана попытка ответа на вопросы: что означают концепты прозрачности и подотчётности применительно к академической сфере, в каких формах они реализуются и к чему это может вести? Означает ли рост прозрачности в академической среде действительную объективность в оценках результативности? И ведёт ли он к росту доверия общества по отношению к институтам высшего образования, науки и внутри самого академического сообщества? Как меняется сам концепт доверия под влиянием этих практик?**

**Ключевые слова:** прозрачность, подотчётность, доверие, рейтинги, индексы цитирования, наукометрия.

## Природа прозрачности

Прозрачность (англ. transparency) — это свойство объекта, доступность его структуры, внутренних связей и некоторых свойств для наблюдения внешним по отношению к объекту акторам. Данное определение универсально<sup>1</sup> и может относиться как к физическим объектам, так и к изучаемым в рамках социально-экономических наук. В социально-экономическом дискурсе прозрачность — это способность объекта стать «видимым» для внешних акторов, быть представленным во внешнюю среду посредством некото-

рых языковых или семантических средств, понятных в этой внешней среде, быть подвергнутым процедурам контроля и аудита, верификации его свойств, сопоставления его свойств с эталонами; она «является условием осуществления общественного контроля, ею задаются его возможности и ограничения» [11].

Прозрачность реализуется через выстраивание политик, процедур и практик, которые позволяют пользователям (гражданам, организациям, институтам) иметь: 1) доступ к информации; 2) возможность пользоваться этой инфор-

мацией для принятия собственных управленческих решений, что подразумевает такие способы её организации и представления, которые были бы понятны всем заинтересованным лицам.

Три компонента прозрачности, каждый из которых имеет самостоятельное значение, обеспечивают подотчётность социально-экономических систем и акторов: 1) прозрачность процесса принятия решений; 2) прозрачность процессов реализации этих решений; 3) прозрачность результата.

Прозрачность в академической среде проявляется множеством

<sup>1</sup> И в русском, и в английском языке термин имеет прямое значение, характеризующее физическое свойство проницаемости объекта для видимого света, и переносное значение — открытость объекта для его восприятия внешними сторонами, его способность представлять информацию о своём состоянии и деятельности и обеспечивать обратную связь в системах информационного обмена.

форм. Основными нам кажутся следующие:

— сведения персонального характера — от публикации данных о доходах ректоров вузов до персональных страниц отдельных преподавателей и исследователей;

— результаты академической деятельности — от текстов научных и методических публикаций до научно-популярных проектов типа postnauka.ru, theoryandpractice.ru, antropogenez.ru и др.;

— сведения об отдельных организациях — научных и образовательных;

— сведения об академической среде и системе в целом или отдельных её сегментах.

### Механизмы обеспечения прозрачности в академической среде

В качестве инфраструктурной основы прозрачности и подотчётности в академической среде рассматриваются наукометрические инструменты (рейтинги, индексы цитирования и пр.) и внутренние стандарты (положения об аттестации, конкурсных отборах и т.п.), а в качестве наиболее характерных особенностей прозрачности при оценке академической активности — объективизация, стандартизация, квантификация и проникновение аудита в академические процедуры.

**Объективизация** — процесс формирования «картинки» для разных групп пользователей [4; 5]. В большинстве социальных практики мы воспринимаем не сам объект, а его образ, созданный для того, чтобы актер составил представление об объекте. Процесс создания такой «картинки» (сайта вуза, персональной страницы преподавателя на сайте и пр.) — это не описание и не отражение, это именно *создание объекта*, который должен соответствовать реальности и заменять её.

В основе механизмов объективизации лежит желание «хорошо выглядеть» перед своим принципалом, экспертами и другими акторами, соответствовать установленному другими эталону или своим собственным представлениям.

Что касается самой «картинки»: если ещё 30 лет назад она могла быть нарративной, исключительно качественной, то позднее саму идею подотчётности стало невозможно представить без количественных показателей и таблично-графического представления информации, а также всё больше усложняющихся и структурирующихся правил оперирования этой «картинкой», в частности использования её при принятии управленческих решений на всех уровнях — от Министерства образования и науки до вузовских кафедр.

**Тотальная квантификация** — выражение всех качеств объектов посредством чисел, шкал, масштабов, графиков, таблиц. Показатели, индексы и рейтинги позволяют «видеть», различать, сравнивать объекты, среды и реальности, они служат инструментами притяжения «объективных» решений в социально-экономических системах. Квантификация приводит к тому, что все акторы в этих системах начинают ассоциироваться с числами: вузы оцениваются на основе баллов ЕГЭ поступающих, а учёные — в соответствии с индексами Хирша своих работ и импакт-факторами журналов, в которых они опубликованы. Квантификация делает возможной стандартизацию.

**Многоуровневая стандартизация** всех практик и информационных потоков. Носившая до конца XIX в. весьма локальный характер [12], через 100 лет стандартизация охватила все отрасли, виды продукции, качество продуктов и процессов их производства, включая сферу услуг, здравоохранение, образование; активно разрабатываются социальные стандарты. Стандартизация касается уже не только институциональных акторов, профессий, операций (ГОСТы, СНИПы, ФГОСы,

**из досье**



**Ольга Николаевна Волкова,**

кандидат физико-математических наук, профессор Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (Санкт-Петербург)  
E-mail: volkova@rambler.ru

санитарные нормы и требования к разработке программ дисциплин), но и отдельных людей — примером могут быть требования к поступающим в вузы или к кандидатам на занятие определённых должностей.

В академической среде сегодня стандартизации подверглась и информация относительно акторов — заметную, если не решающую роль стали играть рейтинги, индексы цитирования, публикационной активности и пр.

**Проникновение процедур контроля и аудита** не только во все области экономической активности, но и в каждодневную деятельность всех сегментов и функций организаций и во множество социальных практик. Аудит, который первоначально был специфической практикой оценки достоверности финансовых данных, за последние полвека трансформировался во всеобъемлющую систему ритуалов верификации [26]<sup>2</sup>. Сейчас аудит находит применение в любой области социальной и экономической жизни (экологический, организационный, энергетический аудит, аудит эффективности и персонала, медиааудит и др.) и может рассматриваться и как процедура кван-

<sup>2</sup> Этот переход совпадает по времени с отмеченным Фукуямой [15] снижением общего уровня доверия в обществах, в первую очередь американском.

тификации, поскольку фактически представляет собой практику оценки соответствия объекта заранее заданным извне требованиям, стандартам и числовым показателям. Технологии аудита позволяют определять место этого объекта на некоторой шкале (по крайней мере номинальной — «достоверно» или «нет») и формировать функцию соответствия качества количественному показателю.

### Интерес к количественным показателям академической активности

Реакцией академической среды на всеобщую квантификацию и объективизацию можно считать интерес исследователей к этим вопросам, отражающийся в их публикациях. Идея измерять и соизмерять значимость результатов научных исследований и отдельных учёных зародилась более 100 лет назад [19], однако настоящий расцвет таких практик и связанных с ними разработок пришёл на последние два десятилетия, когда появились общедоступные методы компьютерной обработки данных.

Сегодня в мире есть несколько журналов, напрямую посвящённых наукометрическим вопросам (например, *Scientometrics*<sup>3</sup>, *Cybermetrics*<sup>4</sup>, *Journal of the American Society for Information Science and Technology*<sup>5</sup>, *Journal of Scientometric Research*<sup>6</sup>). Кроме того, большинство ведущих журналов периодически публикуют результаты наукометрических исследований в своих областях знания. В нашей стране лавинообразный рост деятельности по квантификации всего и вся, связанного с наукой, начался

около 10 лет назад и в научных журналах, и в Интернете<sup>7</sup>.

Нами прослежена динамика интереса к формированию и использованию наукометрических инструментов в русскоязычных публикациях, индексируемых Научной электронной библиотекой (сайт [elibrary.ru](http://elibrary.ru)) по разделам «Экономика. Экономические науки» и «Науковедение», за период с 2000-го по 2015 г. Всего было просмотрено более 4500 журнальных публикаций. Из этого массива были отобраны работы, содержание которых касалось международного и национального рейтингования вузов, образовательных систем разных стран, образовательных программ, научных журналов, преподавателей вузов и научных сотрудников (исключая оценку преподавателей студентами; не рассматривались также работы, посвящённые всем видам рейтингования самих студен-

тов), а также показателей индивидуальной публикационной активности преподавателей и учёных. На рисунке представлен график роста количества публикаций; в таблице 1 представлены числовые данные для построения этого графика<sup>8</sup>.

Из данных графика и таблицы следует, что интерес к тематике рейтингов, касающихся высшего образования и науки, до 2006 г. был стабильно невысок, хотя отдельные работы встречались в отечественной научной литературе по экономике с начала 2000-х гг. Рост интереса к теме совпал с началом обсуждения наукометрических показателей в середине десятилетия: на графике видны два переломных периода, когда менялся характер кривой, — это 2006–2007 гг., когда количество публикаций скачкообразно увеличилось, и 2012 г., когда рост приобрёл экспоненциальный характер.

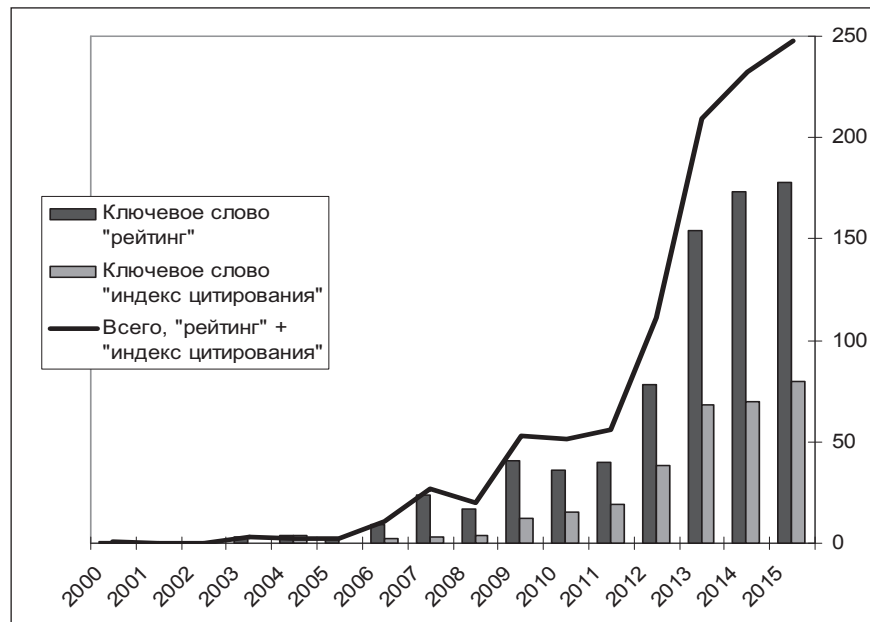


Рис. Динамика количества публикаций, отражённых в Научной электронной библиотеке, по ключевым словам «рейтинг» и «индекс цитирования» за 2000–2015 гг., ед.

<sup>3</sup> <http://www.springer.com/computer/database+management+%26+information+retrieval/journal/11192>.

<sup>4</sup> <http://cybermetrics.cindoc.csic.es/>.

<sup>5</sup> [http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1002/\(ISSN\)2330-1643](http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1002/(ISSN)2330-1643).

<sup>6</sup> <http://www.jscires.org/>.

<sup>7</sup> См., например, сайт проекта «Информетрика» <http://informetrics.ru/>.

<sup>8</sup> В ряды данных «Рейтинг» и «Индекс цитирования» вошли показатели о количестве работ, содержащих эти термины и их грамматические формы в названии, аннотации и/или списке ключевых слов. Ряд данных «Всего работ» содержит количество работ, в названии, аннотации и/или списке ключевых слов которых встречается хотя бы один из двух основных терминов. Поиск осуществлялся по состоянию на 02.04.2016.

*Динамика количества публикаций, отражённых в Научной электронной библиотеке, содержащих термины «рейтинг» и «индекс цитирования», за 2000–2015 гг., ед.*

Ключевые слова	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
«Рейтинг»	1	0	0	3	4	2	9	24	17	41	36	40	78	154	173	178
«Индекс цитирования»	0	0	0	0	4	0	2	3	4	12	15	19	38	68	70	80
Всего	1	0	0	3	2	2	11	27	20	53	51	56	111	209	232	248

Первая половина 2000-х гг. ознаменовалась проводимыми в РФ государственными реформами — административной и бюджетной. С 2006 г. началась реализация приоритетных национальных проектов, в том числе ПНП «Образование», задачей которых было «объективное» распределение финансовых ресурсов в бюджетной сфере. В системах государственного управления, где значительная часть информации носит нефинансовый и вообще неколичественный характер, с середины 2000-х гг. широкое распространение получили практики квантификации этой информации (оценки социального эффекта, рейтингование регионов и социально-экономических программ, введение нормативов финансирования и др.) [2; 17].

Задачей ПНП «Образование» в вузовской сфере было формирование национальных исследовательских университетов, то есть фактически сегментация этого сектора. Первый скачок числа публикаций по теме количественных показателей науки в вузе совпадает с началом реализации этой программы. Второй скачок интереса к рейтингам и индексам в публикациях отечественных экономистов (2012 г.) совпал с началом продолжающейся

и сейчас в РФ реформы образования и науки.

Мы можем выделить два наиболее заметных в последние годы направления развития прозрачности и подотчётности в системе высшего образования и науки России. На макроуровне речь идёт в первую очередь о методиках оценки эффективности вузов, основанных на стандартных показателях. Эта работа представлена в виде программы «5–100» вхождения российских вузов к 2020 г. в ведущие мировые рейтинги<sup>9</sup>, а на внутрироссийском поле — в виде критериев эффективности вузов, которые применяются в качестве основания для реструктуризации сети учреждений высшего образования<sup>10</sup>. Общая тенденция квантификации и ранжирования всего и вся в образовании и науке проявляется и в виде разнообразных локальных рейтингов образования и науки [7; 9], вузов, новых показателей и систем отчётности вузов и научных институций, в том числе их сайтов [1; 13], научных журналов [8; 10] и даже внутривузовских рейтингов кафедр<sup>11</sup>.

На микроуровне пример тех же процессов в образовании — не столь широко обсуждаемое в обществе, но весьма актуальное для академической среды введение в

вузах и научных институтах оценки эффективности отдельных преподавателей и исследователей<sup>12</sup> и построение на их основе внутренних методик расчёта вознаграждений (как материального характера, так и возможностей карьерного продвижения) исходя из участия сотрудников в разных видах академической активности и рейтинга изданий, в которых опубликованы их работы<sup>13</sup>.

Иллюстрациями здесь могут послужить системы академической оценки, принятые в ведущих российских вузах. В НИУ ВШЭ<sup>14</sup> система академических надбавок (надбавок к базовой заработной плате) сильно дифференцирована в зависимости от того, опубликованы ли работы автора в зарубежных журналах, индексируемых в системах Web of Science и Scopus, при этом размер надбавки зависит от рейтинга издания. Если работы опубликованы только в российских изданиях, то для получения надбавки требуется предъявить их определённое количество за два последних года, и сами издания также различаются по качеству<sup>15</sup>. Процесс рассмотрения заявлений претендентов экспертами закрытый, но результаты его открыты и на сайте самого вуза, и на персональных страницах преподавателей — получателей надбавок.

<sup>9</sup> См., например: <http://www.univer-rating.ru/news.asp?Int=6&id=180>, <http://expert.ru/ural/2012/38/5-100-2020/>, <http://минобрнауки.рф/новости/3372/файл/2196/13.05.08-Объявление-Топ100-КДы.pdf>.

<sup>10</sup> См., например: <http://минобрнауки.рф/документы/2521>, <http://минобрнауки.рф/новости/2932>, <http://минобрнауки.рф/документы/3561/файл/2400/13.08.12-АК-76-05.pdf>.

<sup>11</sup> Отметим, что в этот же период, с 2012 г., начался быстрый рост англоязычных публикаций в низкорейтинговых («мусорных») журналах, индексируемых в Scopus (Sterligov, Savina, 2016).

<sup>12</sup> См., например, Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» и нормативные акты, принятые в целях его исполнения.

<sup>13</sup> Примерами могут являться система академических надбавок НИУ ВШЭ (<http://www.hse.ru/docs/115390376.html>) или система критериев отбора кандидатов на должности профессорско-преподавательского состава СПбГУ ([http://www.phys.spbu.ru/content/File/uchenyy-sovets/prikaz\\_o\\_zam\\_PPS.pdf](http://www.phys.spbu.ru/content/File/uchenyy-sovets/prikaz_o_zam_PPS.pdf), раздел 3 приложения 2).

<sup>14</sup> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

<sup>15</sup> См.: <http://www.hse.ru/docs/115390376.html>.

В качестве второго примера технологий прозрачности в вузах приведём систему критериев отбора кандидатов на должности профессорско-преподавательского состава СПбГУ<sup>16</sup>, в которой, помимо традиционных формальных требований представления претендентами документов, свидетельствующих об их академических достижениях (дипломы, аттестаты, списки публикаций и т.п.), есть требования к минимальной величине индекса Хирша для претендентов<sup>17</sup>. Документы всех претендентов, включая данные об индексах цитирования, до начала конкурсного заседания учёного совета публикуются в открытом доступе на сайте СПбГУ в Интернете.

Публикуемые системой НЭБ на основе российских публикаций индексы Хирша (далее — ИХ), так же как и другие индексы цитируемости учёных, дают массу возможностей их использования в академических процедурах. Утилитарные цели — это применение в качестве показателя, по которому ранжируют кандидатов на определённые академические позиции (как это сделано в СПбГУ), определённые их значения могут играть роль «границы отсека» кандидатов.

Индексы цитируемости служат и для оценки индивидуальной результативности, и как показатель известности и влияния конкретного актора в академической среде. В то же время традиции цитирования и публикационной ак-

тивности в целом в разных областях знания сильно различаются, и попытки сравнивать индексы у «физиков» и «лириков» будут очевидно некорректными<sup>18</sup>.

**...Показатели, индексы и рейтинги позволяют «видеть», различать, сравнивать объекты, среды и реальности, они служат инструментами притяжения «объективных» решений в социально-экономических системах...**

Так, например, самое высокое значение ИХ, рассчитанное по данным НЭБ<sup>19</sup>, по учёным, зарегистрированным в разделе «Экономика. Экономические науки», — 50, причём тех, у кого этот индекс выше 10, всего 1481 человек (менее 4,7% от общего числа зарегистрированных авторов-экономистов), тогда как максимальный индекс Хирша по разделу «Физика» — 81, а численность авторов, имеющих ИХ выше 10, — 6629 человек (почти 17,3% от общего числа зарегистрированных в этом разделе), при этом количество «экономистов» и «физиков» сравнимо и различается всего на 20% (табл. 2).

Таким образом, данные делают прозрачными не только нашу индивидуальную публикационную активность, но и особенности профессиональных академических сообществ, давая администрациям прозрачные и «объективные» основания для принятия организационных решений, касающихся

и каждого из нас, и наших кафедр, специальностей, направлений научных исследований.

Реформы в образовании, начатые в середине 2000-х гг., во всех

сегментах продолжают по сей день, а в высшем образовании с началом нового десятилетия они только набирают обороты. На первых этапах (2005–2010 гг.) особый интерес вызывали вопросы институциональной организации и финансирования вузов («сколько платить»), но позднее реформирование стало касаться структуры научно-образовательных сетей и индивидуальных акторов — нас самих, наших взаимоотношений с институциями, в которых мы работаем, и системой образования в целом («за что платить») [6]. Очевидно, что главным механизмом обеспечения прозрачности и подотчётности в этих процессах является квантификация.

Среди целей использования нормативов всегда были создание прозрачной и информационно открытой системы финансирования и управления организациями бюджетной сферы, предотвращение нерационального расходования государственных и муниципальных

Таблица 2  
Различия в характеристиках публикационной активности разных областей знания по данным *elibrary.ru*

Область знания	Количество зарегистрированных авторов	Индекс Хирша (ИХ) первого по рейтингу автора		Авторов с ИХ >10	
		общий	с учётом только журналов	количество	% от общего числа авторов
Физика	38 400	81	75	6629	17,3
Экономика. Экономические науки	31 695	50	14	1481	4,7
История. Исторические науки	9144	55	14	311	3,4

<sup>16</sup> Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ).

<sup>17</sup> См.: [http://www.phys.spbu.ru/content/File/uchenyu-sovets/prikaz\\_o\\_zam\\_PPS.pdf](http://www.phys.spbu.ru/content/File/uchenyu-sovets/prikaz_o_zam_PPS.pdf).

<sup>18</sup> Это хорошо заметно по массивам документов, публикуемых перед конкурсами на замещение вакантных должностей ППС на странице учёного совета СПбГУ (<http://spbu.ru/structure/scientboard>). Индексы цитируемости претендентов на одинаковые должности разных факультетов очень сильно различаются — если у экономистов и гуманитариев индексы Хирша, по данным систем Scopus и Web of Science, как правило, не более 2–3, даже у претендентов на должности профессоров, то у представителей естественных наук — значительно выше, до 10.

<sup>19</sup> Данные по состоянию на 08.04.2016.

средств, стимулирование роста внебюджетных доходов учреждений. Однако в ходе этих реформ началось изменение ментальности акторов, действующих в системах государственного управления и в бюджетной сфере, в том числе в академической среде, — числа и нормативы стали играть решающую роль в повседневной работе и в оценке результативности.

В целом можно сказать, что прозрачность в академической среде реализуется посредством вводимых в настоящее время практик количественной оценки — оценки индивидуальной и институциональной результативности по индексам цитирования и рейтингам, оценки эффективности направлений исследований, отдельных вузов и целых институций, анализа предметных полей, вызывающих наибольший интерес исследователей, и др.

### Критический анализ практик прозрачности

Вместе с тем вопрос о том, насколько технологии прозрачности и подотчётности действенны при решении реальных проблем академического сообщества и отдельных акторов, остаётся спорным.

Раскрытие информации имеет массу достоинств:

- даёт возможность выработки объективных оснований и критериев для принятия управленческих решений разных типов относительно всех акторов — от реструктуризации сети вузов до избрания преподавателей по конкурсу;

- снижает неопределённость и риск потерь в результате неэффективных решений;

- даёт возможность контроля и управления на расстоянии;

- открытость результатов и методов научных исследований упрощает проведение исследований другим авторам и способствует прогрессу науки в целом;

- открытость авторства и персональных достижений способствует



*В академической среде заметную, если не решающую роль стали играть рейтинги, индексы цитирования, публикационной активности и пр.*

этичному поведению (или по крайней мере удерживает от неэтичного поведения) других участников академической деятельности;

- способствует (?)<sup>20</sup> доверию к академической системе в целом.

Однако вместе с положительными сторонами у прозрачности есть и негативные последствия: она способствует дисфункциональному поведению акторов.

**Подмена реальности картинкой.** «Чем больше информации мы имеем о мире, тем больше мы дистанцируемся от того, что на самом деле происходит, и тем меньше мы способны понять полную его сложность. Информация становится заменителем реального мира — то, что говорят нам показатели и образы, всё больше и чаще воспринимается нами как то, что фактически происходит» [27, р. 833].

Поставленная во главу угла прозрачность подменяет собой реальный контроль, а цели подменяются средствами, делая рейтинги и индексы целью, а не инструментом оценки. Всё и вся оценивается через «картинку», посредством сопостав-

ления представленного «портрета» и эталона. Если известен эталон и заданы правила, вполне понятно желание оцениваемых представить экспертам именно ту «картинку», которая будет оценена максимально высоко. Обеспечение прозрачности для представления во внешнюю среду является приоритетным, а реальная эффективность процессов, происходящих в организации или в обществе, остаётся за кадром (рейтинги вузов).

Проникновение всех процедур контроля и аудита в каждодневную деятельность всех сегментов, функций и организационных практик, тотальный контроль приводят к «созданию новых ментальностей, стимулов и восприятий значимости» [6], прозрачность начинает преобразовывать субъектность акторов, меняет характер практик, которые она должна отражать, разрушая таким образом реальную результативность. Управление превращается в процесс поддержания видимости и укрывания малейших недостатков; управление посредством показателей становится управлением сами-

<sup>20</sup> Этот вопрос мы затронем ниже.

ми показателями [27]. «Информация становится заменителем реального мира — то, что говорят нам показатели и образы, всё больше и чаще воспринимается нами как то, что фактически происходит» [27].

**Оценка личности через информационные и контролируемые системы.** Образы, представленные в документах посредством процедур прозрачности, воспринимаются как истинное отображение

низкой морали и профессиональному цинизму» [24]. Требование универсальной прозрачности вне зависимости от благих целей, для которых оно существует, «часто поощряет необъективность, лицемерие и половинчатость в принятии решений» [24]. Прозрачность начинает вести собственное существование, не связанное с фактами, которые, как предполагается, должна раскрывать.

**...прозрачность в академической среде реализуется посредством вводимых в настоящее время практик количественной оценки — оценки индивидуальной и институциональной результативности по индексам цитирования и рейтингам...**

положения дел в организации или в обществе, заменяя их в различных дискурсивных пространствах. Более того, индивидуальные акторы (руководители разных уровней, исследователи, преподаватели и др.), их успехи и неудачи начинают восприниматься тоже через призму той системы прозрачности, которая существует вокруг них. Прозрачность задаёт те правила, рамки и эталоны, посредством которых люди оценивают других и самих себя. Не важно, что ты собой представляешь, важно лишь, как ты выглядишь в отчётах (есть ли у тебя публикации в Scopus).

**Нивелирование профессиональных ценностей.** Это приводит ещё к одному классу последствий для тех, кто имеет отношение к прозрачности, — от руководителей системы образования и науки до простых преподавателей. Смыслом их деятельности становится гонка за показателями, что приводит к нивелированию профессиональных ценностей и к изменениям в профессиональных практиках. «Извращённые стимулы приводят к формированию культуры подозрений,

#### **«Аморальность» информации.**

Очевидная объективность числовой информации, столь высоко ценяемая в финансовой сфере, может никак не отражать социальных и моральных аспектов деятельности акторов и их сетей. Широко обсуждаемые в последние два года в отечественном академическом сообществе методики оценки эффективности вузов и научных учреждений, основанные на стандартных показателях, — яркий тому пример. К сожалению, социальные и долгосрочные экономические последствия возможных решений, как правило, рассматриваются лишь в профессиональном академическом и экспертном сообществе и журналистами, а не лицами, принимающими решения по управлению отечественной системой образования.

На индивидуальном уровне требования роста прозрачности делают очевидными способы, к которым прибегают акторы для улучшения своих показателей, — вал публикаций, публикации в «мусорных» журналах, накручивание ссылок, некорректные заимствования, тексты-пустышки и т.д.

## Цели и результаты

В чём состоит цель внедрения механизмов прозрачности в академической сфере и каковы результаты этого процесса? Результатами внедрения рассматриваемых методик должны быть структурные изменения в системах образования и науки<sup>21</sup>: закрытие и реорганизация вузов и их филиалов, научных институтов, изменение количественного и качественного состава преподавателей вузов — смена «педагогов» на «исследователей». Вполне объективные и соответствующие принятым методикам расчёта показатели и рейтинги также слабо отражают результативность подготовки студентов и выпускников [27], что по логике вещей должно быть целью деятельности вузов и их сотрудников.

Рейтинги и показатели не могут быть целью реформ. Участие в рейтингах, ранжирование и индексирование вузов и отдельных преподавателей должны рассматриваться как средства (или цели более низких порядков) для достижения каких-то настоящих, истинных целей, которые ставят перед собой и перед нами инициаторы реформ. К сожалению, ни общество в целом, ни академическое сообщество пока не понимают, в чём именно эти «высшие цели» заключаются. Очевиден дефицит понимания конечной цели этих преобразований.

Мы можем предположить, что цели вхождения в рейтинги, особенно международные, какими они видятся идеологам этих изменений, не связаны с подготовкой студентов. Цель действий в обоих направлениях (реструктуризация сети учреждений и повышение публикационной активности сотрудников) очевидна — демонстрация обществу прозрачности и подотчётности в системе принятия государственных решений, касающихся образования

<sup>21</sup> Реформа научных институтов в РФ не столь прозрачна, как образовательной системы, к тому же встречает гораздо больше внутреннего сопротивления внешним воздействиям (см., например: [http://www.gazeta.ru/science/2013/11/11\\_a\\_5745593.shtml](http://www.gazeta.ru/science/2013/11/11_a_5745593.shtml)), однако и там процессы аналогичны — принятие решений на основании ранжирования, индексирования и разного рода количественных показателей (см., например: [http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d\\_09/prm406-2.htm](http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm406-2.htm), [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_154058/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154058/), <http://government.ru/media/files/41d49e9b662b95c8613a.pdf>).

и науки. Вхождение в рейтинги — это, вероятно, сигнал внешним акторам об имидже отечественной системы образования и страны в целом.

Второй очевидной особенностью всеобщего рейтингования и оценивания является потеря профессиональной автономии и доверия и на институциональном, и на индивидуальном уровне. Ритуалы верификации, традиционно являющиеся неотъемлемой частью академической сферы, всё больше и больше исходят из внешних по отношению к этой среде источников. И индивидуальные акторы, и целые организации, их успехи и неудачи начинают восприниматься через призму той системы прозрачности, которая формируется вокруг них. Верификация носит всё более формальный и количественный характер. Технологии прозрачности порождают некоторую симуляцию реальности, имеющую к ней лишь косвенное отношение [22].

## Доверие

Каким образом числа и процедуры их расчёта стали всеобщим средством коммуникации и мерилом успеха в большинстве типов социальных практик? Почему соответствие стандартам и процедурам квантификации ценится выше, чем реальная результативность? Дело здесь, как нам кажется, в доверии — в том, как мы его понимаем и в каком виде мы принимаем его в наших практиках.

Оборотная сторона излишней информационной открытости — потеря доверия к институтам, раскрывающим информацию. Излишняя прозрачность систем власти и управления дисфункциональна, поскольку уменьшает впечатление компетентности власти, выставляя на обозрение всю нерациональность процесса принятия решений [11]. Негативно воспринимается и личная информация о руководи-

телях: сведения об их доходах, индексы публикационной активности как учёных и т.п. — всё это вызывает сомнения в этичности.

Согласно одному из недавних исследований «в российских условиях государственные инициативы по увеличению прозрачности и подотчётности университетов интерпретируются участниками реформ не столько как введение рыночных правил игры, сколько как очередное укрепление авторитарной власти государства, чему способствует схожесть внешних проявлений обеих интенций, выра-

**...Управление превращается в процесс поддержания видимости и укрывания малейших недостатков; управление посредством показателей становится управлением самими показателями...**

жающихся в усилении контроля над университетами» [25]. При этом одновременно отсутствие достаточной прозрачности воспринимается (на фоне постоянных деклараций о прозрачности) как недостаток честности, что тоже ведёт к уменьшению доверия.

Снижение уровня доверия отражает характерное для современных обществ в целом стремление к тотальному контролю через постоянно совершенствующиеся процедуры квантификации, ранжирования, сопоставления с эталонами и контрольными показателями. Не способствуют доверию к академической среде в целом и к её руководству заявления наподобие сделанного президентом РАН в январе 2016 г.: «Россия в науке опустилась до уровня Ирана»<sup>22</sup>, имея в виду количество публикаций российских авторов.

Снижение уровня доверия, институционального и межличностного, в современных обществах отмечалось многими исследователями для общества в целом [22; 24; 26] и для академической среды в частности [3; 14; 23].

Помимо падения общего уровня доверия, есть ещё один важный эффект. С введением количественных оценок и наукометрических инструментов уровень доверия в академической среде не просто понизился, но также поменялся его характер. Доверие авторитетам с их правом принимать решения на основе профессионального суждения и экспертного мнения замещено доверием процедурам и стандартам. Идущие «сверху» требования прозрачности ведут к снижению роли личного доверия и его преобразованию в институциональное.

Кроме того, важной нам кажется и смена парадигм доверия, уже свершившаяся в Европе и США около трёх десятков лет назад; мы являемся её свидетелями и действующими лицами в России. Смена эта пока не осознана ни обществом, ни государством, ни академическим сообществом, которые по многим измерениям своей деятельности продолжают существовать в парадигме «доверия авторитетам». На самом деле доверие авторитетам и экспертам, личностям или институтам трансформировалось в доверие числам «картинки», которые складываются в «механическую объективность» [3], основанную на стандартных правилах манипулирования числами<sup>23</sup>.

## «Общество спектакля»

Прозрачность, чья природа — передача информации и контроль, уничтожает культуру доверия, превращая академическую среду в «общество спектакля» [16], а невнятность целей такого масштабного внедрения инструментов прозрачности только способствует этому.

<sup>22</sup> [http://www.bbc.com/russian/news/2016/01/160121\\_russia\\_science\\_fortov](http://www.bbc.com/russian/news/2016/01/160121_russia_science_fortov).

<sup>23</sup> К сожалению, в профессиональных сообществах экономистов долгое время не уделяли этому эффекту должного внимания. В 1980-е гг. лишь философы видели опасность в такой симуляции (см., например, [3]).



То, что политика и потребление в западных обществах носят характер спектакля, впервые отметил Ги Деборд: «Всё на свете постепенно превращается в презентацию» [21]. «Спектакль — это собрание образов, это новый тип социальных отношений между людьми, отношений посредством образов... Это одновременно и результат, и идеальная модель способа производства отношений в обществе» [21, фрагменты 4, 6]. На примере современной академической среды мы видим, что теперь и академическая деятельность превращена в товар и воспринимается посредством образа.

От доверия авторитетам с их правом принимать решения на основе профессионального суждения, без обсуждения процессов принятия таких решений академическое сообщество переходит к доверию процедурам, стандартам и сформированной по этим правилам «картинке». Вместо доверия результату мы доверяем процессам получения результата. Мы заменяем прозрачностью процесса прозрачность результата, а прозрачностью результата — фактическую эффективность.

#### Список литературы

1. Антопольский А.Б., Поляк Ю.Е., Усанов В.Е. О российском индексе веб-сайтов научно-образовательных учреждений // Информационные ресурсы России. — 2012. — № 4. — С. 2–7.
2. Афанасьев М.П., Кривоногов И.В. Модернизация государственных финансов: Учеб. пособие. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. — Тула, 2013.
4. Волкова О.Н. Прозрачность, подотчётность и доверие в обществе // Вопросы экономики. — 2015. — № 2. — С. 141–148.
5. Волкова О.Н. Прозрачность в обществе: вред или благо? // Общество и экономика. — 2016. — № 2. — С. 66–81.
6. Волкова О.Н. Тотальная прозрачность: рейтинги и индексы в отечественном образовании и науке // Экономический анализ: теория и практика. — 2014. — № 31 (382). — С. 13–22.
7. Кружалин В.И., Аршинова В.В., Попов Л.В., Чаплыгина А.А. Рейтинги мировых университетов как инструмент управления качеством образования // Alma mater (Вестник высшей школы). — 2010. — № 6. — С. 9–18.
8. Куракова Н., Цветкова Л., Еремченко О. Наукометрические параметры российской экономической науки: общее состояние и оценка диссертационных советов // Вопросы экономики. — 2013. — № 11. — С. 129–146.
9. Лунёв С.И. Развитие образования (базовое и высшее образование, аспирантура) и науки в Китае и Индии // Сравнительная политика. — 2013. — № 2 (12). — С. 70–81.
10. Муравьёв А. О научной значимости российских журналов по экономике и смежным дисциплинам // Вопросы экономики. — 2013. — № 4. — С. 130.
11. Прозрачность и участие: Общественный контроль 2.0 в США и Европе. Аналитический доклад. — М.: Фонд открытой новой демократии, 2013. — <http://fondfond.org/wp-content/uploads/report-control.pdf>.
12. Секацкий В.С., Григорьева О.А. Стандартизация. Версия 1.0 [Электронный ресурс]: Электрон. учеб. пособие. — Красноярск: ИПК СФУ, 2008. — [http://files.lib.sfu-kras.ru/ebibl/umkd/108/u\\_course.pdf](http://files.lib.sfu-kras.ru/ebibl/umkd/108/u_course.pdf).
13. Третьякова О.В., Кабакова Е.А. Перспективы использования веб-метрического анализа в оценке сайта научного института // Вопросы территориального развития. — 2014. — № 2 (12). — С. 1–10.
14. Форрат Н.В. Проблема качества высшего образования: мировые вызовы и их российские трансформации // Вопросы образования. — 2009. — № 2. — С. 121–139.
15. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. — М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО «НПП «Ермак», 2004.
16. Baert P., Shipman A. University under siege? Trust and accountability in the contemporary academy // European Societies. — 2005. — V. 7, № 1. — P. 157–185.
17. Carnegie G.D., West B.P. Making accounting accountable in the public sector // Critical Perspectives on Accounting. — 2005. — V. 16. — Issue 7. — P. 905–928.
18. Debord G. La Société du spectacle. — Paris: Buchet/Chastel, 1967.
19. Gorraiz J., Gumpenberger C., Wieland M. Galton 2011 revisited: a bibliometric journey in the footprints of a universal genius // Journal of Scientometrics. — 2011. — V. 88. — Issue 2. — P. 627–652.
20. Han B.-C. The Transparency Society. — Stanford University Press, 2015.
21. Hoecht A. Quality assurance in UK higher education: issues of trust, control, professional autonomy and accountability // Higher Education. — 2006. — V. 51, № 4. — P. 41–63.
22. O'Neill O. A question of trust. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
23. Porter T.M. Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life, Princeton. — NJ: Princeton University Press, 1995.
24. Power M. The Audit Society: Rituals of Verification. — Oxford University Press, 1997.
25. Rauhvargers A. Global university rankings and their impact. — Brussels: European University Association, 2011. — [http://www.eua.be/pubs/global\\_university\\_rankings\\_and\\_their\\_impact.pdf](http://www.eua.be/pubs/global_university_rankings_and_their_impact.pdf).
26. Strathern M. (ed.). Audit Cultures. Anthropological Studies in Accountability, Ethics and the Academy. — London: Routledge, 2000.
27. Tsoukas H. The tyranny of light // Futures. — 1997. — V. 29, № 9. — P. 827–843.

Статья подготовлена по материалам доклада на XVII апрельской Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2016 г.